

Список использованной литературы и источников

1. Волосов Е. Н. Региональная политическая элита Сибири (опыт статистического анализа) / Е. Н. Волосов // Вестник Евразии. — 2003. — № 1. — С. 138–155.
2. Сайты представительных органов региональной власти. [Электронный ресурс]. — URL: duma.khv.ru; irk.gov.ru; www.sobranie.info; www.sndko.ru; www.omsk-parlament.ru; zsperm.ru; duma.midural.ru; www.zs74.ru; www.zsno.ru; samgd.ru; www.vmoblduma.ru zsro.ru; www.kubzsk; gossov.tatarstan.ru; www.parlament-kbr.ru.

Информация об авторе

Волосов Евгений Николаевич — доктор исторических наук, доцент, кафедра педагогического образования, Усть-Илимский филиал Восточно-Сибирской государственной академии образования, 666673, Иркутская область, г. Усть-Илимск, ул. Братское шоссе, 41, e-mail: volosov@rambler.ru.

Author

Volosov Evgeny Nikolaevich — Doctor of historical Sciences, Associate Professor, Chair of Teacher Education, the Ust-Ilim Branch East Siberian State Academy of Education, 41, Bratskaya St., Ust-Ilimsk, Irkutsk region, 666673, e-mail: volosov@rambler.ru.

УДК 94(47)«1944-1956»
ББК 63.3(2)622,7

*А. А. ДОЛГОЛЮК,
Н. М. МАРКДОРФ*

ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ И ИНТЕРНИРОВАННЫЕ В СИБИРСКОЙ ЭКОНОМИКЕ (1944–1956 гг.)

В статье исследованы основные аспекты трудового использования иностранных военнопленных и интернированных в сибирской экономике: сфера применения, организация и производительность труда, его стимулирование, оплата и результаты.

Ключевые слова: иностранные военнопленные, интернированные, Великая Отечественная война, Сибирь, промышленность, капитальное строительство.

*A. A. DOLGOLYUK,
N. M. MARKDORF*

FOREIGN PRISONERS OF WORLD WAR II AND INTERNEES IN SIBERIAN ECONOMY (1944–1956)

In this article authors was analyzed the main aspects related to use of foreign labor POWs and internees in Siberian economy. They are scope, organization, productivity, its stimulation and results.

Keywords: foreign prisoners of war, internees, the Great Patriotic War, Siberia, industry, capital construction.

Первые военнопленные появились в Сибири в конце мая 1943 г. Это была относительно небольшая группа из бывших военных западных армий, плененных в районе Сталинграда и Воронежа. Начиная с конца 1944 г. поток военнопленных в сибирские лагеря постепенно нарастал. Особенно он усилился после капитуляции немецкой, а затем японской армий. К концу 1945 г. лагерная сеть покрыла всю Сибирь. С 1943 по 1949 г. в 21 сибирский лагерь и в 16 отдельных рабочих батальонов было направлено около 235 тыс. военнопленных и интернированных [2, с. 50].

Главным предназначением пленных являлось восстановление подорванного войной народного хозяйства страны, поэтому основную часть из них сосредоточили в производственных лагерях. В Сибири новый «спецконтингент» был востребован. За годы Великой Отечественной войны регион потерял практически каждого десятого жителя. В этот период и в первую послевоенную пятилетку в Сибири стояли задачи по переводу части военного производства на выпуск гражданской продукции, достройке и реконструкции эвакуированных промышленных объектов. В годы четвертой пятилетки (1946–1950-е гг.) резко возрос объем инвестиционной деятельности. Для реализации плановых заданий требовалось преодолеть существенный дефицит трудовых ресурсов в сибирской экономике. «Рабочие руки» требовались повсюду. Одним из дополнительных источников пополнения предприятий истроек кадрами стали военнопленные, в лице которых советские власти изначально видели дешевую рабочую силу.

Важнейшими показателями деятельности лагерей являлись их доходность, удельный вес «трудового фонда», его доля, передаваемая хозяйственным органам. Основной задачей лагерей было сохранение вверенной им рабочей силы и использование ее таким образом, чтобы возместить расходы на содержание лагерей и принести доход государству.

Основной сферой занятости пленных являлись промышленность и капитальное строительство. Чаще всего лагеря поставляли работников в обе эти отрасли экономики. Зачастую лагерные отделения создавались при заводах и стройках. На одних предприятиях военнопленные рассматривались в качестве подсобной рабочей силы и занимали сравнительно малый удельный вес в общей численности рабочих, на других их доля была высокой. Принцип концентрации военнопленных на промышленных и строительных объектах использовался, например, в Красноярском крае, в котором дислоцировалось два лагеря военнопленных бывшей японской армии. Руководители лагеря № 33 рассредоточили свой трудоспособный контингент по основным предприятиям Хакасской автономной области, где они составляли в 1946 г. от 40 до 60 % от общего количества занятых в отдельных отраслях производства. Добычу угля в черногорских копях трест «Хакассуголь» осуществлял в основном за счет пленных и при этом перевыполнял государственный план. Так же

успешно трудились они на предприятиях лесной промышленности. Занятый здесь контингент составлял от 60 до 70 % от общего количества работающих на лесозаготовках. Только военнопленными осуществлялось строительство завода № 18 в г. Черногорске [5; д. 4, л. 45]. Большая часть японских военнопленных из лагеря № 34 использовалась на шести предприятиях Красноярского края. В 1947 г. на комбайновом и паровозостроительном заводах в г. Красноярске доля японцев составляла соответственно 41 и 24 %, в трестах «Канскуголь» и «Красноярскпромстрой» — 32 %. Однако наиболее высоким был удельный вес военнопленных в общем балансе рабочей силы в «Дорстрое» управления Красноярской железной дороги (72 %) и в Управлении военностроительных работ № 4 (70 %) [4, д. 79, л. 48].

В лагерях, базирующихся в городах, сфера приложения труда военнопленных была более широкой, чем в тех, которые дислоцировались вне больших населенных пунктов. Например, в самом крупном по численности сибирском лагере № 7, созданном для строительства железной дороги Тайшет- Братск, основная масса японских пленных выводилась преимущественно только на земляные работы и лесозаготовки.

Труд военнопленных-строителей и эксплуатационников широко использовался на таких промышленных гигантах Сибири, как Кузнецкий металлургический комбинат, Сталинский (Новокузнецкий) алюминиевый завод, Алтайский тракторный завод, Красноярский комбайновый завод, завод «Сибтяжмаш», комбинат № 179 (завод «Сибсельмаш»), Новосибирский стрелочный завод, инструментальный завод имени Воскова, завод «Тяжстанкогидропресс», Новосибирский, Иркутский и Улан-Удэнский авиационные заводы, Красноярский паровозостроительный и Улан-Удэнский локомотиворемонтный заводы, Иркутский завод тяжелого машиностроения имени Куйбышева. Однако наибольшее применение подневольный труд военнопленных нашел в железнодорожном строительстве на территории Иркутской области, Красноярского и Алтайского краев, в угольной промышленности Кузбасса, Черембасса и Красноярского края, а также на лесозаготовках. На многих предприятиях, где были заняты военнопленные, производились боеприпасы, оружие, боевая техника, в том числе танки, самолеты, артиллерийские установки. Бывшие военнослужащие вражеских армий вносили свой вклад в укрепление военного потенциала СССР, что противоречило Конвенции о военнопленных 1929 г.

Военнопленные и интернированные широко использовались в гражданском строительстве. Сооружением жилья занимались практически все сибирские лагеря. Только в Новосибирске ими было сдано в эксплуатацию 40,7 тыс. м² жилплощади. Обитатели лагеря № 34 построили в Красноярском крае 273 дома общей площадью 48,3 тыс. м². Еще одной сферой приложения их труда стало социально-культурное строительство. Они привлекались к сооружению зданий, которые до сих пор определяют

лицо многих сибирских городов. Среди них такие известные архитектурные объекты, как музыкально-драматический национальный театр (ныне театр оперы и балета) и здание педагогического института в Улан-Удэ, здание Западно-Сибирского филиала академии наук в Новосибирске. Весом вклад военнопленных в развитие коммунального хозяйства городов, в благоустройство населенных пунктов. Только в Красноярске и Иркутске их силами заасфальтировано 50 и 150 тыс. м² улиц и тротуаров соответственно. В Иркутске японцами был положено самое первое асфальтовое покрытие на центральной улице Карла Маркса. Обитатели лагеря № 199 внесли существенный вклад в благоустройство Новосибирска. Они проложили шоссейные дороги в районе Оловозавода и «Тяжстанкогидропресса», заасфальтировали 22 тыс. м² улиц и площадей, выкопали траншеи и уложили 5 тыс. погонных метров труб городского водопровода.

На промышленных предприятиях рядом с военнопленными нередко трудились вольнонаемные. Несмотря на содержащиеся в приказах НКВД запреты на общение между ними устанавливались не только производственные, но и личные контакты, даже при наличии языковых барьеров. Русские рабочие делились с «товарищами по труду» продуктами питания, табаком. Случалось и обратное, когда во время обеденных перерывов пленные угощали русских рабочих пищей, приготовленной по национальным рецептам.

Нередко рядом с пленными оказывались представители других категорий «спецконтингента». В этом отношении самым ярким примером является строительство железной дороги Тайшет–Братск, которое вел «Тайшетстрой» Главного управления лагерей железнодорожного строительства МВД СССР. Дорога сооружалась силами десятков тысяч советских заключенных и военнопленных, содержащихся в лагере № 7. Пятьдесят его лагерных отделений были рассредоточены вдоль трассы с 5 по 258 км. По данным отдела по использованию военнопленных Иркутского управления МВД в начале 1946 г. численность бывших японских военнопленных составляла немногим более 50 тыс. чел. Часть военнопленных работала совместно с заключенными Озерлага, другая часть с заключенными Ангарлага ГУЛЖДС МВД СССР. В последнем из них в конце 1947 г. в списках состояло 3,4 тыс. вольнонаемных (8,6 %), 24,4 тыс. заключенных (61,6 %) и 11,8 тыс. военнопленных, составлявших 29,8 % от общей численности работников [3, с. 100].

Отношение хозяйственных руководителей к иностранной «рабочей силе» поначалу было отрицательным. Однако со временем мнения о ней менялись. Это объяснялось и тем обстоятельством, что в качестве альтернативы пленным часто являлись заключенные. Как оказалось, включить их в трудовой процесс было еще сложнее. От руководства лагерей требовали поддержания трудоспособности вверенного им контингента на высоком уровне. Хотя сделать это было крайне трудно. Массовый за-

воз военнопленных в Сибирь происходил в основном в осенние и зимние месяцы. Бывшие солдаты германской и в еще большей степени японской армий не были приспособлены к суровым климатическим условиям Сибири с ее крепкими зимними морозами. К тому же в лагеря поступал в основной массе больной и ослабленный контингент. Их нужно было обеспечить жильем, питанием и медицинским обслуживанием. На практике ни одно из этих условий должным образом не выполнялось. Удельный вес «трудового фонда» в общей численности пленных в различных лагерях постоянно изменялся под воздействием самых различных факторов. Наиболее низкие показатели были характерны для первых месяцев функционирования лагерных отделений, которые принимали ослабленный контингент или не были готовы к его размещению. Например, в алтайском лагере № 36, «трудовой фонд» на начало февраля 1946 г. составлял 42 % от среднесписочного состава [4, д. 12, л. 277]. После того, как в 1945 и в 1946 г. на родину были репатриированы наиболее слабые пленные, во многих лагерях вырос удельный вес «трудового фонда». Во многом это стало возможным благодаря совершенствованию работы лагерных лазаретов, улучшению бытовых условий.

В соответствии с приказами НКВД (МВД) и «Положением о трудовом использовании военнопленных» их рабочий день не должен был превышать 8 часов. Его максимальная длительность устанавливалась для лиц 1-й и 2-й групп трудоспособности и была такой же, как и для вольнонаемных рабочих в той же отрасли народного хозяйства. Для пленных 3-й категории рабочий день не мог превышать 4–6 часов. Вне зависимости от уровня трудоспособности все имели право на 4 выходных дня в месяц. В основном эти положения выдерживались (за исключением отдельных рабочих батальонов (ОРБ) и «отдаленных подкомандировок») и, прежде всего, за счет усилий лагерного руководства, стремившегося к сохранению здоровья подневольных рабочих. Хозяйственные организации со своей стороны старались по возможности увеличить время использования пленных, чтобы за счет дешевой рабочей силы решать производственные проблемы. В отдельных случаях сказывались специфика производства и устоявшийся трудовой распорядок. Так, военнопленные 5-го лаготделения лагеря № 526 (Кемеровская область) работали в шахтах непрерывно по 11–14 часов, часто без принятия пищи [5, д. 17, л. 123]. Сверхурочные работы являлись и мерой наказания за недостаточно производительный труд. При этом работодатели обосновывали свои решения приказом Л.П. Берии за № 00696 от 15 июля 1945 г. Например, эта мера широко практиковалась при отсыпке железнодорожного полотна на трассе Тайшет–Братск, где продолжительность рабочего дня часто превышала 10 часов [3, с. 80].

Трудовые нормы нарушались в ОРБ. Так, при проверке в июне 1946 г. в 97-ми ОРБ выяснилось, что в 40 из них рабочий день длился

1–14 часов, пленные и интернированные 3-й группы трудоспособности работали полный день на тяжелых работах, отправлялись к месту труда пешком порядком на расстояние 8–17 км, перерывы между приемами пищи доходили до 12 часов [8, л. 21, 22].

Подневольный труд малопроизводителен. Однако военнопленные были поставлены в такие условия, когда их относительное благополучие и даже жизнь зависели от того, как они трудились. Для тех, кто не выполнял норм выработки, мог быть продлен рабочий день, объявлен выговор, наложен арест от 10 до 20 суток. Они лишались права переписки с родственниками, пользоваться деньгами, переводились в штрафное подразделение с тяжелым режимом работы на срок до трех месяцев. Злостные саботажники предавались суду военного трибунала. Одним из основных стимулов к труду стало дополнительное питание для выполняющих нормы выработки. Применялись и другие меры стимулирования и поощрения, такие как выплата дополнительных денежных средств, первоочередная продажа табака и мыла, расселение в более благоустроенных бараках.

В первые месяцы функционирования лагерей производительность труда пленных была низкой. Например, в январе 1946 г. ни один из сибирских лагерей для военнослужащих японской армии не выполнил установленного плана по производительности труда. Во многом это объяснялось неудовлетворительным физическим состоянием содержащегося в лагерях контингента, его непригодности к работам в условиях сибирских морозов, а также нежеланием обычно трудолюбивых японцев производительно работать в неволе. Особенно низким уровень производительности труда военнопленных оказался в красноярском лагере № 33 — 62 %, в лагере № 526 (Кемеровская область) — 68 %, в лагере № 511 (Алтайский край) — 75 % и в лагере № 7 (Иркутская область) — 32 %. Последний не подготовился не только к приему военнопленных, но и к тому, чтобы обеспечить их трудовое использование. Среднедневная выработка на одного человека составила в январе 2 р. 18 к., тогда как в ранее созданных лагерях № 93 и 199 (Тюменская и Новосибирская области) она превышала 12 р. В других сибирских лагерях задача подъема производительности труда решалась более успешно. Так, в 34-м лагере удельный вес невыполняющих нормы выработки за год сократился в 11 раз. В 1946 г. лишь один из 20-ти военнопленных не выполнял плановых заданий. Одновременно среди работающих возмужала прослойка «передовиков», которые не только выполняли производственные нормы, но и значительно перевыполняли их. К концу 1946 г. почти все сибирские лагеря вышли на установленные средние показатели выработки на одного человека в день. Она составляла от 14 до 20 р. Исключением вновь стал лагерь № 7, в котором выработка достигла всего 8 р. на человека. В среднем по лагерям СССР этот показатель равнялся 12 р. 78 к.

На производительность труда оказывала влияние проводимая советским правительством репатриация военнопленных. При этом ее воздействие было неоднозначным. Часть военнопленных стремилась сознательно ухудшить свое физическое состояние. По мнению руководства Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР, ухудшению ситуации с трудовым использованием военнопленных способствовала также публикация в печати в марте 1947 г. правительственного решения о репатриации в следующем году всех немецких военнопленных. Хозяйственные организации, в которых они были заняты, начали заблаговременно квалифицированных рабочих с относительной высокооплачиваемых работ и заменять ее вольнонаемными работниками. Пленные стали переводиться на подсобно-вспомогательные, низкооплачиваемые работы. К началу 1948 г. большинство из них были сосредоточены на тяжелых и малоквалифицированных строительных работах, на которых быстрее происходило физическое истощение людей. Это положение усугублялось еще и тем, что ввиду низкого заработка большая часть военнопленных не получала на руки премиального вознаграждения и поэтому не имела возможности приобрести дополнительное питание [6, л. 33].

В то же время, репатриация способствовала и росту производительности труда, так как давала возможность администрации освобождаться от ослабленного контингента. Начиная с 1948 г. руководство лагерей все активнее стало использовать репатриацию в качестве стимула для повышения производительности труда, давая обещания отправлять на родину в первую очередь передовиков.

Среди военнопленных были представители самых различных профессий, в том числе высококвалифицированные специалисты. В «Положении о трудовом использовании военнопленных» предусматривалось проведение учета спецконтингента по профессиям и квалификации. Он проводился сразу же после поступления новых контингентов в лагерь. По возможности военнопленные направлялись на работы в соответствии с их специальностями. Однако полностью выдержать это положение на практике не удавалось. Одна из причин заключалась в том, что у хозяйственных органов не всегда была потребность в тех специалистах, которые имелись в лагерях. Главным же препятствием являлись действующие правила по охране военнопленных. Так, комиссия, проверявшая в феврале 1946 г. лагерь военнопленных № 128 (Алтайский край), отметила неудовлетворительное использование специалистов. Во многом такое положение определялось невозможностью дробить большие партии на мелкие группы, а конвойные войска не могли обеспечить все такие звенья охраной [4, д. 12, л. 302].

Однако было немало случаев удачного применения профессиональных знаний и опыта военнопленных. В конце 1945 г. на Иркутском

заводе тяжелого машиностроения труд японцев использовался в механическом, чугунолитейном, сталелитейном, ремонтно-механическом, металлозаготовительном, модельном, энергетическом и коперном цехах. Так, на основных рабочих специальностях токарей, шлифовщиков, сборщиков, обрубщиков были заняты 422 чел., что составляло 77 % от общего количества. Лишь 23 % использовались на тяжелой физической работе — шлаковщиками, подъемщиками чугуна, завальщиками, молотобойцами и т.д. [3, с. 74].

НКВД (МВД) стремился улучшить профессионально-квалификационный состав подневольных контингентов. Подготовка по нужным для производства рабочим профессиям велась методами индивидуального и бригадного ученичества, что позволяло увеличить количество специалистов. В 33-м лагере было организовано обучение шахтеров, навалотбойщиков, строителей, лесорубов. Это позволило основной массе военнопленных не только выполнять, но и перевыполнять нормы выработки [5, д. 4, л. 45, 47]. Производственное обучение в течение двух лет увеличило долю специалистов в общей численности контингента в лагере № 34 с 34 до 66 %. Росла и квалификация японцев. Об этом свидетельствуют следующие данные: на 1 января 1946 г. 15,6 % военнопленных имели 3-й разряд и 10,5 % — 4-й и 5-й разряды. Два года спустя удельный вес имеющих 3-й разряд вырос до 33,6 %, а 4-й и 5-й разряды — до 29,6 % [5, д. 4, л. 47].

И все же вопросам производственного обучения кадров не везде уделялось достаточное внимание. Многие руководители лагерей считали это излишней тратой сил, средств и времени. В частности, комиссия, обследовавшая в начале 1946 г. лагеря № 503, 525 и 526, расположенные в Кемеровской области, отмечала совершенно неудовлетворительную постановку профессионально-технического обучения [4, д. 11, л. 28]. Несмотря на содержащиеся в директивных документах МВД требования по использованию военнопленных в соответствии с их специальностями, основная масса направлялась на неквалифицированные, слабомеханизированные физические работы. Многим пришлось трудиться на лесозаготовках. По воспоминаниям бывших военнопленных, они боялись попадать в команды лесозаготовителей, поскольку должны были в холодную зиму, часто по грудь в снегу с помощью плохого инвентаря валить деревья [1, с. 43].

Возможно, в этих словах есть преувеличение глубины снежного покрова, но нет сомнений в том, что заготовка леса и его ручная транспортировка по рыхлому, глубокому снегу изнуряли и без того ослабленных людей. Не намного лучше были условия труда у тех, кто в зимнее время работал на строительстве дорог. Согласно действовавшим нормативам вывод на работы в таких случаях должен был производиться только при обеспечении теплым обмундированием и обувью. Объекты работ следо-

вало обеспечивать обогревалками, которыми военнопленные могли бы пользоваться в течение 10–15 мин через каждые 2 ч работы [5, д. 7, л. 7]. В действительности эти требования выдерживались далеко не всегда. В лесу и на отсыпке железнодорожного полотна обогрев чаще всего осуществлялся у костров. Более того, этот же способ использовался даже в городских условиях. Так, в Новосибирске военнопленные, работавшие на строительстве водопровода, обогревались у костров, разложенных прямо в траншеях [7, л. 155].

Не лучшим было и положение с обеспеченностью спецодеждой и обувью. Руководство лагерей постоянно предъявляло претензии хозяйственным организациям по поводу нерегулярной и неполной выдачи спецодежды для подопечного контингента. Поэтому обмундирование и обувь, в которых люди поступали в лагеря, использовались одновременно и как рабочая одежда. Они быстро изнашивались и приходили в негодность. После ремонта, выполняемого с использованием списанной, утильной одежды, такое обмундирование носилось не более 1–3 месяцев. Особую сложность испытывали лагеря с обеспечением рукавицами и теплой зимней одеждой. В условиях их недостатка снижалась производительность труда, увеличивалась численность временно освобождавшихся от работы по болезни. Вопрос обеспеченности спецодеждой руководство лагерей часто увязывало с выводом контингента на работы. Поэтому хозяйственные органы были вынуждены решать эти проблемы, которые лишь начиная с зимы 1946–1947 гг. утратили свою остроту.

Учитывая непригодность военнопленных к работе в условиях холодных сибирских зим, высокий процент больных и нетрудоспособных, лагерная администрация стремилась по мере возможности выдерживать действовавшие инструкции по трудовому использованию военнопленных. Так, руководство лагеря № 199 с наступлением 20-градусных морозов в ноябре 1944 г. перестало выводить военнопленных на наружные работы, осуществляемые трестом «Сибстанкострой», несмотря на то, что они были полностью обеспечены теплой одеждой и валенками. Вольнонаемные рабочие-строители в это же время продолжали работать [7, д. 183, л. 285].

Слабая механизация и недочеты в организации производственного процесса снижали производительность и оплату труда. В принятых в 1945 г. постановлениях государственного комитета обороны и в «Положении о трудовом использовании военнопленных» были предусмотрены меры, призванные повысить стимулирующую роль заработной платы. Военнопленные получили возможность получать денежное вознаграждение за свой труд. Однако оно составляло незначительную часть от заработной платы и выплачивалось лишь выполнявшим нормы выработки. Его размер зависел от процента перевыполнения норм, условий труда, вида выполняемых работ, занимаемой должности. Стимулиру-

ющая роль заработной платы поднялась после проведения денежной реформы и отмены карточной системы в декабре 1947 г. В лагерях увеличилось количество ларьков, в которых военнопленные за свои деньги могли покупать товары, правда, очень скромного ассортимента — табак, мыло, некоторые продукты питания. Размеры денежного вознаграждения постепенно возрастали. Например, в лагере № 525 в 1945 г. военнопленным было выдано 86 тыс. р., в 1946 г. — 2 млн 600 тыс., в 1947 г. — 2 млн 400 тыс., в 1948 г. — 6 млн 600 тыс. р. [4, д. 352, л. 65].

Заработная плата, начисляемая военнопленным, обычно оказывалась меньшей, чем за тот же труд платили кадровым работникам. При этом имели место занижения объемов выполненных работ и сопутствующие им обсчеты со стороны хозяйственных органов, а также случаи присвоения денег лагерной администрацией. Средства, заработанные военнопленными, служили основным финансовым источником для поддержания жизнедеятельности лагерей. Кроме этого, все они в период формирования получили деньги из госбюджета на обустройство, которые необходимо было вернуть, полностью обеспечив самоокупаемость. В первые месяцы функционирования лагерей большинство из них оказались нерентабельными, т. е. затраты на содержание превышали доходы. Не всем удалось добиться требуемых руководством МВД результатов. В лагере № 93 в 1944 г. самоокупаемость составила всего 45 %, в лагере № 32 вплоть до середины 1947 г. она колебалась от 50 до 70 %. В последующее время ситуация постепенно улучшалась. Прибыль от функционирования лагеря № 93, например, составила 2 млн р., а лагеря № 199 — около 4 млн р. [4; д. 170, л. 18]. Рентабельность лагеря № 7 выросла с 60 % в 1946 г. до 86 % в 1949 г., т. е. он так и не стал самоокупаемым. Тем не менее, деятельность военнопленных никак не может быть занесена в пассив. Так, например, в относительно короткие сроки была построена железная дорога Тайшет-Братск протяженностью 326 км со всеми необходимыми службами, телефонной сетью, паровозным депо, вагоно-ремонтными мастерскими. Эти же люди заготавливали в районах строительства большое количество древесины. Ее ежегодный вывоз составлял 200 тыс. м³ [4, д. 12, л. 55–56]. Такие результаты были достигнуты при минимуме средств, выделяемых на техническое и материальное обеспечение. Даже снабжение одеждой и обувью до середины 1947 г. осуществлялось в основном за счет трофейного японского обмундирования.

Таким образом, военнопленные и интернированные внесли существенный вклад в восстановление и развитие экономики Сибири военных и первых послевоенных лет. Сложился огромный «подневольный интернационал», состоявший из представителей самых различных национальностей: немцев, австрийцев, венгров, румын, итальянцев, чехов, японцев и многих других. Своим трудом они были обязаны способствовать укреплению оборонного потенциала, восстановлению и подъему народного

хозяйства СССР. Солдаты разгромленных армий противника направлялись на предприятия ведущих отраслей. Они работали на машиностроительных и металлургических заводах, в угольной и горнодобывающей промышленности, лесозаготовках. Обширной сферой приложения подневольного труда стало строительство. Силами военнопленных возводились цеха промышленных предприятий, прокладывались железнодорожные пути, водопроводные и канализационные сети, строились жилые дома, здания социально-бытового назначения и культуры. Лагеря включались в социалистическую плановую систему, на них переносились традиционные советские методы стимулирования и внеэкономической мотивации к трудовой деятельности. Одновременно предпринимались меры по сохранению «трудового фонда», возможно более полное использование которого для решения социально-экономических задач определяло суть советской политики по отношению к военнопленным.

Список использованной литературы и источников

1. Frieser K.-H. Krieg rinter Stacheldraht. Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion und das Nationalkomitee «Freies Deutschland» / K.-H. Frieser. — Meinz, 1981. — S. 43.
2. Букин С. С. Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири / С. С. Букин, А. А. Долголюк // Гуманитарные науки в Сибири. — № 2. — 2000. — С. 49–53.
3. Кузнецов С. И. Японцы в сибирском плену (1945–1956 гг.) / С. И. Кузнецов. — Иркутск : Изд-во журнала «Сибирь», 1997. — 261 с.
4. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1п. Оп. 15а.
5. РГВА. Ф. 1п. Оп. 17а.
6. РГВА. Ф. 1п. Оп. 21-а. Д. 5.
7. РГВА. Ф. 1п. Оп. 34.
8. РГВА. Ф. 1п. Оп. 34а. Д. 8.

Информация об авторах

Долголюк Алексей Алексеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, сектор истории социально-экономического развития, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: dolgalal@mail.ru.

Маркдорф Наталья Михайловна — доктор исторических наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, кафедра социальной работы, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28, e-mail: nmmark@mail.ru.

Authors

Dolgoliuk Alexei Alexeevich — Senior Staff Scientist, PhD of Historical Sciences, Sector History of Social and Economic Development, Institute of History of Siberian Branch Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, e-mail: dolgalal@mail.ru.

Markdorf Natalia Mihailovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuiskaya st., Novosibirsk, 630126, e-mail: nmmark@mail.ru.